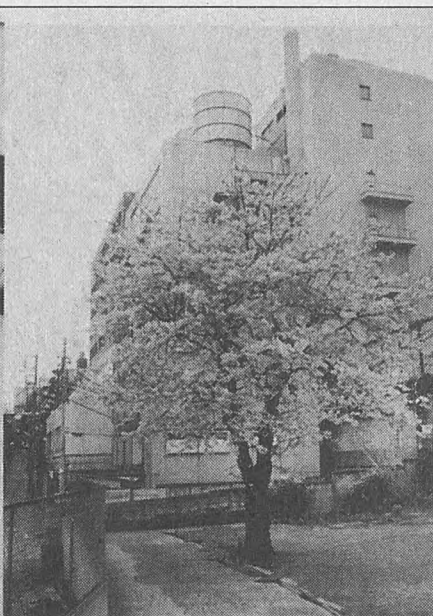
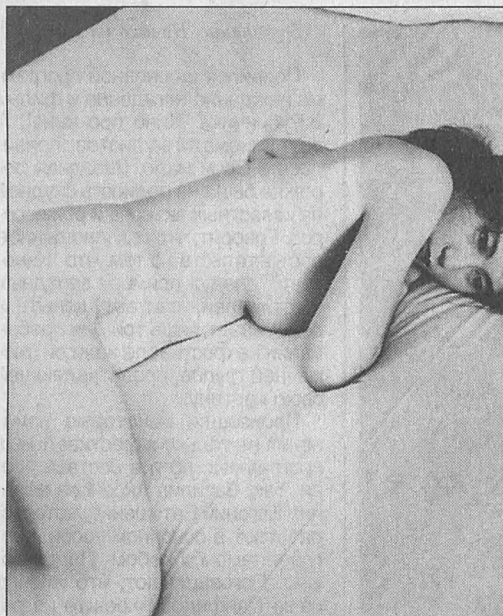

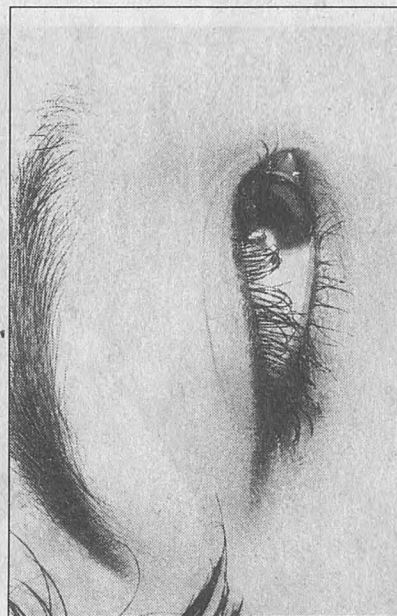
Кудрява-
2002. 6-12 июня, с. 8

Токийский фотограф

В МДФ открылась выставка Нобуеси Араки

Н.Араки. Серия "Обнаженная натура в Токио". 1989 г.

Серия "Эротос". 1993 г.

Серия "Цветы". 1998 г.

Еще одно последнее сказание, и... Московскую фотобиеннале можно считать законченной. Именно сказание, а не выставка, потому как те работы легендарного японского фотографа Нобуеси Араки, что представлены в Доме фотографии, впрочем, как и те, что не представлены, — это прежде всего повествование, совокупность рассказов, роман с камерой, растянувшийся на всю жизнь и застывший на грани. На грани европейской фотодокументалистики и традиционного подхода старого японского песенного сказа дзэрури, эстетики "пою, что вижу", эпатажной порнографии и глубокомысленного поиска аналогий, концепции "остановленного мгновения" и продуманной постановочности.

Кто он, человек, чьи альбомы фотографий расходятся миллионными тиражами в Старом и Новом Свете, за которым на родине во время его ежедневных прогулок толпами ходят почитатели, а завидевшие его добропорядочные японцы спе-

шат перейти на противоположную сторону улицы? Араки, этот токийский Тулуз-Лотрек, Генри Миллер и Росселлини вместе взятые, родился в 1940-м, был пятым из семерых детей, и почти никогда не покидал родного города. Тридцать с лишним лет назад он выпустил свой первый альбом, посвященный проститутке Гемии, в 1970-м разослал снимки критикам, знакомым и просто людям, выбранным наобум по телефонному справочнику, еще через год опубликовал фотографии собственного едва закончившегося медового месяца, потом работал над серией "Фотография — моя страсть", снимки которой выходили за пределы допустимого даже по меркам японского "Плейбоя", журнала, где сотрудничал художник. Когда его жена заболела раком, появилась серия "Сентиментальное путешествие" — мемориал любви: Йоко курит в постели, Йоко лежит свернувшись калачиком, рука Йоко из-под больницы простыни, Йоко умирает...

мертвая Йоко в гробу, святилище Йоко в доме Араки. Художник похоронил жену на старинном токийском кладбище для проституток и наконец понял, что такое портрет. Он стал кумиром самых престижных мировых галерей и ярмарок современного искусства. "Я — гений", — говорит он сам, "это — мания", — скажут другие, "загадочная душа человека Страны восходящего солнца", — подумают третьи. Впрочем, Араки это абсолютно безразлично — он давно порвал со всякой обыденной моралью, сопоставил тело с природными формами, сорвал маски с похоти и чувства утраты, демифологизировал совокупление и смерть. И все это только затем, чтобы показать нам жизнь — обыденную, каждодневную, рутинную, ту, что проходит мимо нас, сквозь нас, сквозь фотографический взгляд Араки.

Его герои: город, женщины и цветы. Последние, взятые в отдельности от женщин, наиболее традиционные, профессиональные, но наименее

интересны. Цветы, деревья и здания в соположенные с обнаженной натурой (этакие, диптихи — справа ветка, слева ню, торс на фоне резервуара для воды, горбатый мостик, живот беременной и т.д.) подмигивают урбанистической гримасой знакомой японцам темы старого искусства бидзин-га — изображения красавиц в бытовой гравюре. Сами женщины, усталые обитательницы хайтечного мегаполиса, занимающиеся домашним хозяйством или застигнутые в извращенных садомазохистских позах, связанные, подвешенные на веревках, скрученные и распятые фотографом, становятся символом нашего мира, где, как говорит Араки: "Я всегда искал сердце женщины. Это его я всегда хотел опутать. Но с течением времени женщины стали связывать себя и привязывать себя ко мне".

Свойственная художнику привычка не раскрывать свои символы и не философствовать полнее всего отразилась в его городских сериях.

"Токийская ностальгия" с входящим в нее ворохом самых обычных будничных моментов — лица сидящих в баре, облака и падающие листья, кошка, идущая по мостовой, телефонные провода, люди в их физиологических отправлениях, накрытые ресторанные столики, нахмурившийся карапуз, колокола, зеркальное отражение. Это то, из чего складывается каждый день японской столицы. Тысячи фотографий, тысячи фактов, самых мелких нюансов и слагаемых. Каждый миг чьей-то возможной жизни. Потому и нужно художнику в день от двух до сорока пленок, что, кажется, Араки не может иметь определенного человеческого лица, он лишь механизм, приводящий в движение затвор фотоаппарата по "заданию" небесной канцелярии, взявшейся запечатлеть и отследить во всех подробностях существование отдельного взятого земного города — Токио. На снимках — целая энциклопедия японской жизни, но ни один из них,

ни даже все они вместе взятые, не могли бы служить иллюстрацией к популярному туристическому изданию "Эти любопытные японцы", ибо в них нет почти ничего национального. Они слишком человеческие, они не про японцев — они про жизнь вообще.

Смотришь на отпечатки Араки, не где-нибудь украдкой разглядывая привезенный с Запада "запретный" альбомчик, а на "полнометражной", персональной выставке, и думаешь, что они слишком отстраненные, чтобы трогать, раздражать, восхищать, возбуждать или возмущать. Они, кажется, вообще не "цепляют". Но вот выходишь на улицу, оглядываешься по сторонам и невольно отмечаешь каждый сюжет, достойный взгляда японского фотографа. Может, в этом и есть пресловутый эмоциональный отклик, японское едзэ — принцип воздействия произведений искусства.

Тимофей УТКИН